

Международное право

Правильная ссылка на статью:

Севергин А.Д. Юрисдикция государств в метавселенной // Международное право. 2024. № 4. С.121-136. DOI: 10.25136/2644-5514.2024.4.72828 EDN: YTSFAO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72828

Юрисдикция государств в метавселенной

Севергин Александр Дмитриевич

аспирант; Юридический факультет; Санкт-Петербургский государственный университет

197183, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 77

✉ st085649@gmail.com

[Статья из рубрики ""](#)

DOI:

10.25136/2644-5514.2024.4.72828

EDN:

YTSFAO

Дата направления статьи в редакцию:

18-12-2024

Дата публикации:

25-12-2024

Аннотация: Статья посвящена исследованию возможности и особенностей установления государством юрисдикции в метавселенной — виртуальном пространстве, где может существовать власть государства. Автор анализируют концепцию государственной территории, включая историческую эволюцию подходов к её пониманию, и делает вывод о том, что метавселенная может быть теоретически рассмотрена как продолжение государственной территории. На этой предпосылке делается вывод о возможности установления в метавселенной как территориальной так и экстерриториальной юрисдикции. Освещаются особенности установления в метавселенной территориальной юрисдикции посредством локализации персональных данных, запрета (ограничения) информации на территории государства, "приземления" операторов метавселенной и на основе доктрины последствий. Рассматриваются также возможности установления экстерриториальной юрисдикции в метавселенной на основе универсального и охранительного принципов. Особое внимание уделяется «виртуальному присутствию»

государств в метавселенной, которые могут рассматриваться как проявление *imperium* государства в виртуальном пространстве для целей установления юрисдикции. В настоящей статье использовались следующие методы: формально-логический, историко-юридический, сравнительно-правовой методы исследования. Основными выводами настоящего исследования является то, что теоретическое рассмотрение метавселенной в качестве продолжения государственной территории позволяет пролить свет на вопросы установления юрисдикции государств в этом виртуальном пространстве. Автором были сделаны выводы о возможности установления государством территориальной юрисдикции в метавселенной, где территориальной привязкой могут выступать: персональные данные связанные с его гражданами, направленность информации на территорию соответствующего государства, деятельность организации, контролирующей метавселенную на его территории и последствия на территории государства. Также были сделаны выводы о возможности установления универсальной юрисдикции в метавселенной в случае, если развитие последней сделает возможным нарушение в ее рамках норм *jus cogens*. Был сделан вывод о возможности установления юрисдикции в отношении действий в метавселенной на основе охранительного принципа, поскольку метавселенная может предоставить возможности для совершения действий, которые могут затрагивать существенные интересы государств. «Виртуальное присутствие» государства, по аналогии с национальными космическими объектами, с морскими или воздушными судами под флагом определенного государства являются продолжением государственной территории для целей установления юрисдикции.

Ключевые слова:

Юрисдикция, Метавселенная, Виртуальное пространство, Виртуальные двойники, Территория, Власть, Информация, Суверенитет, ЭкстERRиториальная юрисдикция, Территориальная юрисдикция

Введение

Под юрисдикцией в международном праве обычно понимается правомочие государства регулировать или иным образом воздействовать на людей, собственность, обстоятельства [23, Р. 645.]. В основе ее лежит государственный суверенитет [41, с.19]. Тот факт, что в метавселенной государства будут устанавливать свою юрисдикцию, не оспаривается, а напротив, все чаще поднимается в научной литературе [5, Р. 32]. Поэтому нам хотелось бы рассмотреть возможности установления государством своей юрисдикции в метавселенной.

Под метавселенной следует понимать виртуальное пространство особого рода, характеризующееся: 1) конвергенцией реального и виртуального пространства; 2) более тесной связью с реальным миром; 3) беспрецедентной функциональной совместимостью (интероперабельностью) [33, с.50-51]. По нашему мнению, ее можно рассматривать как «пространство», т.е. место, где может существовать власть государства. Иными словами ее можно рассматривать как продолжение государственной территории, по следующим причинам.

Во-первых, подходы к концепции «территории государства» в международном праве никогда не отличалась однородностью, о чем явно свидетельствует исторический опыт: в международно-правовой науке территория долгое время рассматривалась как некий «объект» в смыслах частного права, на который распространялось право собственности

суверена (*dominium*) [\[35, 845-846\]](#). В дальнейшем международно-правовая наука поэтапно начала отвергать такой подход: государственная территория перестала рассматриваться через категории частного права, и стала рассматриваться через призму публичного права - в качестве места, в котором существует суверенная власть. Иными словами, территория стала рассматриваться как среда существования *imperium* [\[14, Р.66\]](#).

Во-вторых, содержание концепции территории государства также развивалось. Традиционный подход предполагал, что государственная территория представляет собой естественную, географическую среду. Однако консенсус в отношении содержания концепции территории государства существовал далеко не всегда: например, воздушное пространство стало рассматриваться в качестве государственной территории лишь тогда, когда государства обнаружили возможность использования такого пространства для гражданских или военных целей [\[26, с.182\]](#). До этого момента, воздушное пространство в римском праве рассматривалось как *res communes* [\[31, с.165\]](#). И.В. Лексин отмечает, что с развитием техники и экономической деятельности в состав территории государства стало принято включать морские кабели, подземное и надземное пространства. Иными словами, содержание концепции государственной территории не является константным или абсолютным, оно зависит от внешних обстоятельств и общего контекста развития человечества [\[30, с.458\]](#).

Понимание концепции территории государства не в географическом контексте, а в качестве социально-политической категории отчетливо иллюстрируется современными международно-правовыми исследованиями. К такому пониманию концепции территории государства все чаще обращаются в вопросах «исчезающих государств» [\[40, с.64-65\]](#) или в отношении виртуального пространства (киберпространства) [\[2, pp.23-25\]](#). Оговоримся, что в данной работе термины «киберпространство» и «виртуальное пространство» используются нами как синонимичные, поскольку они обозначают генерируемую компьютерными средствами среду, в рамках которой возможно социальное взаимодействие [\[33, с.46\]](#).

Например, Л.В. Терентьева утверждает, что «[п]ри неизменности правового значения понятия «территория» изменяются его содержательные составляющие за счет включения новых виртуальных пространственных единиц, не имеющих территориального, осязаемого, плоскостного аспекта. Включение киберпространства в понятие территории государства обосновывается как тем, что киберпространство как сфера реализации общественных отношений не может быть вне суверенитета и юрисдикции государства, так и тем, что если в отношении той или иной пространственной единицы устанавливается верховенство государства, то данная единица должна быть отнесена к территории государства, т.к. ее правовое значение заключается в обозначении пространственной сферы компетенции государства» [\[34, с.147\]](#).

Трудно согласиться с Л.В. Терентьевой в том, что «киберпространство как сфера реализации общественных отношений не может быть вне суверенитета и юрисдикции государства», поскольку с ее слов следует, что общественные отношения не могут существовать вне государственного суверенитета. Однако истории известны случаи, когда определенное пространство, в рамках которого существовали общественные отношения, не находилось под суверенитетом государства. Такие пространства в международном праве обозначались как *terra nullius*, т.е. буквально «ничейная земля». Сам факт их существования подтверждает, что наличие в пространстве общественных отношений само по себе не может свидетельствовать о наличии в пространстве

«присутствия государства». Представляется, что включение виртуального пространства в территорию государства возможно не потому, что оно выступает «сферой реализации общественных отношений», а по иным причинам, которые кроются в самой природе власти. Не случайно ее природа, раскрываемая через разные подходы и в разных культурных парадигмах, связывается с пространством.

Так, Э. Фицморис утверждает, что еще в ранних римских источниках «связь между политическим обществом и местом, в котором жили люди, становилась ощутимой благодаря оккупации (пространства)» [\[6, Р.22\]](#). А. Бретт, критически рассматривая категорию «пространства» в труде Г. Гроция «*De iure belli ac pacis*», пишет, что «пространства земного шара, ограниченные естественными чертами, — это территория, место, подлежащее суверенитету, место, которое должно защищаться государственным оружием от государственных врагов» [\[3, р.8\]](#). Схожим образом рассматривал пространство и И.А. Исаев, указывая что «[и]дея Империи всегда жила в пространстве и за счет пространства» [\[36, с.15\]](#). К. Шмитт, цитируя Д. Локка также отмечал, что «сущность политической власти заключается в первую очередь в юрисдикции над землей. Под юрисдикцией он [...] понимает всякое основанное на силе господство и всякую верховную власть вообще» [\[42, с.15\]](#). М. Фуко в отношении трех форм социального устройства — дисциплины, суверенитета и безопасности говорил об объединяющей их проблематике пространства, где суверенитет «с самого начала представляет собой нечто реализующееся в границах определенной территории» [\[39, с.28\]](#).

Из вышеуказанного следует, что пространство всегда имманентно власти: невозможно представить суверена в отрыве от места, где бы существовала его власть (некоторые социологи рассматривают пространство через метафору «контейнера власти») [\[38, с.13\]](#). В этой связи справедлив и вывод о том, что любой власти всегда свойственно расширение.

Таким образом, сам аргумент Л.В. Терентьевой, обосновывающий включение виртуального пространства в понятие территории государства, видится неточным. На наш взгляд, именно заинтересованность и наличие возможности государства для осуществления своей власти в виртуальном пространстве позволяет рассматривать таковое как территорию государства.

В то же время, главной проблемой виртуального пространства для целей его сведения к концепции территории государства является невозможность его географического межевания. Данная особенность не позволяет в полной мере обозначить конкретные пределы юрисдикции государств. Метавселенная, в свою очередь, позволяет провести такие линии разграничения более четко. Метавселенная предполагает приздание информационным данным «визуальной» формы, т.е. метавселенная «материализует» Интернет и предполагает «копирование» объектов реального мира в виртуальное пространство, о чем свидетельствуют, в том числе, доклады международных организаций [\[10\]](#). Так, предполагается что одна из ключевых особенностей метавселенной — конвергенция реального и виртуального пространства — обуславливает создание «виртуальных двойников» государств или в терминологии Д. Фридмана, «зеркальных миров» (*mirror worlds*) [\[7, р.14\]](#). Существование в метавселенной городов или, возможно, целых государств подкрепляет мысль, высказанную профессорами О. Корхонен, М. Брунцевич, М. Арвидссон о том, что виртуальное и аналоговое пространства, возможно, стали двойниками [\[13, Р.158\]](#). Наличие в метавселенной виртуального присутствия государства, созданного по воле последнего, т.е. в результате проявления *imperium*,

предназначенного для осуществления публично-правовых функций, позволяет заключить, что такое виртуальное присутствие, или такая «виртуальная пространственная единица» в метавселенной, является его территорией.

Наличие такого «виртуального присутствия» государств, на наш взгляд, позволяет говорить о создании «виртуальной пространственной единицы», или проявлении *imperium* государства в метавселенной. При наличии «виртуального присутствия» государств можно также говорить о законодательной и исполнительной юрисдикции в метавселенной.

Появление новых юрисдикционных проблем в метавселенной подводит нас к мысли, что для их решения необходим подходящий правовой инструментарий, который позволил бы с большей степенью определенности разрешать вопросы юрисдикции государств в метавселенной. Предварительно заметим, что международному праву известно два вида юрисдикции: территориальная, т.е. осуществление власти в рамках государственной территории; и экстерриториальная, т.е. осуществление власти за пределами географической территории [\[20, pp. 5-6\]](#). И если основанием для установления территориальной юрисдикции выступает государственный суверенитет над территорией, то для установления экстерриториальной юрисдикции существуют различные основания, которые, как правило, связываются с интересами государства. В связи с этим выясним, в какой степени применимы некоторые уже известные международному праву принципы установления государством его юрисдикции к метавселенной.

Территориальная юрисдикция

Возможность установления юрисдикции государством исторически связывается с его географической территорией, что не вызывает вопросов в науке и практике [\[17, p.537\]](#). В то же время проблема применения территориальной юрисдикции к виртуальному пространству, коим является метавселенная, затруднена в связи с тем, что существует сложность привязки соответствующих правоотношений к определенному месту ввиду отсутствия у виртуального пространства территориальных границ. Этот факт обосновывает наличие разных подходов к обоснованию территориальной юрисдикции в виртуальном пространстве.

Так государства обеспечивают территориальную юрисдикцию посредством: локализации данных, запрет (ограничение) доступа к определенной информации, локализация деятельности операторов на территории соответствующего государства (так называемое «приземление») [\[37, с. 98-104\]](#). Из этого исходит, например, Конвенция Африканского Союза о кибербезопасности и защите персональных данных, которая вступила в силу 8 июня 2023 года. Согласно подп. «с» п. 1 ст. 9 данной Конвенции, она применяется при обработке персональных данных, имеющих место исключительно на территории государства-участника Конвенции. Иными словами, национальные правопорядки связывают возникновение своей юрисдикции в виртуальном пространстве с вопросом о том, находится ли физическая инфраструктура на их территории.

Нельзя не упомянуть отдельно подходы, основанные на территориальном принципе юрисдикции, но имеющие в тоже время экстерриториальные последствия. Речь идет о так называемом «территориальном расширении» («territorial extension») [\[19, p.6\]](#) юрисдикции в отношении персональных данных. Мы можем обнаружить такой подход на уровне ЕС в п. 1 ст. 3 *GDPR*, где отражены положения, фактически, имеющие экстерриториальный характер: «[н]астоящий регламент применяется к обработке персональных данных в контексте деятельности организационной единицы контролёра

(согласно ст.4 *GDPR* под контроллером понимается любое физическое или юридическое лицо, государственный орган, учреждение или другой орган, который самостоятельно или совместно с другими определяет цели и средства обработки персональных данных) или процессора в Союзе, независимо от того, производится обработка в Союзе или нет».

В результате, какие из этих подходов могут быть применимы к метавселенной?

Подход, связанный с физической локализацией персональных данных применим к метавселенной лишь в ограниченной степени. Это связано с несколькими проблемами. Первая заключается в том, данный подход включает в себя распространение юрисдикции исключительно на персональные данные (исключая иные данные, которые смогут существовать в метавселенной). Вторая проблема состоит в том, что работа метавселенной на блокчейне предполагает, что ноды, которые, по сути, способны выступать хранилищем персональных данных, могут находиться на территориях других государств и усложнять, или вовсе исключать тем самым возможность воздействия на такие данные. Заметим также, что подход принятый в рамках *GDPR* нивелирует вторую проблему, поскольку связывает юрисдикцию не с местом нахождения инфраструктуры, а с самими персональными данными. Иными словами, вне зависимости от того, где такие данные обрабатываются, в случае, если они касаются граждан Союза, ЕС будет обладать над ними юрисдикцией.

Что касается запрета (ограничения) доступа к определенной информации в метавселенной, то данная мера может быть продиктована желанием государства защитить свою территорию от «нежелательной» иностранной онлайн-деятельности. Однако и здесь существуют некоторые проблемы, связанные с эффективностью этих мер применительно к метавселенной. Первая проблема является скорее общей, и представляет собой возможность обхода блокировок посредством определенных сервисов. Вторая проблема также заключается в том, что метавселенная будет работать на блокчейне, а следовательно, возможности для введения соответствующих ограничений будут напрямую зависеть от степени воздействия организации, контролирующей метавселенную, на нее и пользователей.

Вторая проблема относится и к установлению территориальной юрисдикции государства на основе «приземления» организаций, контролирующих метавселенную на территории соответствующих государств, т.е. она напрямую связана со степенью децентрализации. Определенно, посредством таких действий государство может установить территориальную юрисдикцию в метавселенной через «посредника» [\[21, р.59-60\]](#). В тоже время, степень эффективности такой юрисдикции будет напрямую связана с возможностью таких организаций, контролирующих метавселенную, влиять на отношения в ней.

Некоторыми авторами также выдвигается тезис о том, что территориальная юрисдикция государства может быть обеспечена посредством доктрины эффекта (последствий) в метавселенной [\[25, pp.54-55\]](#), даже при учете ее традиционной критики [\[1, р.106-107\]](#). Согласимся с тем, что установление территориальной юрисдикции в метавселенной возможно посредством применения данной доктрины, т.е. установление юрисдикции государства в отношении действий в метавселенной, которые имеют последствия на его физической территории. С одной стороны, данный подход нивелирует противоречие, связанное с нефизическими характером метавселенной, поскольку территориальной привязкой могут выступать нематериальные последствия. С другой стороны, нельзя не учитывать действительно справедливую ее критику: как отмечал Д.Нортон ««доктрина

эффекта" территориальной юрисдикции, [какой бы смысл в нее ни вкладывался и какими бы критериями] ни руководствовались, является предметом значительных разногласий» [\[16, р.385\]](#). Разногласия в основном касаются именно степени последствий, имевших место на территории государства: без определения четких критериев, вероятно, будут возникать ситуации, в которой несколько государств будут считать себя компетентными, что будет приводить к конфликтам юрисдикций. Данный вариант, на наш взгляд, никак не способствует сотрудничеству государств в этой сфере.

Памятуя о том, что метавселенная предполагает тесную связь с реальным миром, а равно приближенный к реальному миру спектр возможных правоотношений, можно ли говорить о том, что территориальная юрисдикция в полной мере охватывает их? По нашему мнению, все же не весь спектр правоотношений, который может возникнуть в метавселенной охватывается территориальной юрисдикцией. Как мы указывали ранее, международному праву известна также экстерриториальная юрисдикция, то есть распространение власти государства за пределы своей территории. В этой связи рассмотрим некоторые из оснований для ее установления применительно к метавселенной.

Экстерриториальная юрисдикция

Универсальная юрисдикция

Под универсальной юрисдикцией в международном праве понимается возможность государства применять национальное право в отношении определенных преступлений безотносительно к месту совершения преступления или гражданству обвиняемого [\[28, с.274-275\]](#). Следует заметить, что звучащие предложения не являются чем-то новым: в той или иной мере, видоизмененные формы универсальной юрисдикции предлагались в качестве решения проблем юрисдикции еще на первых этапах развития Интернета [\[15, р. 230\]](#).

Однако, такой подход не получил распространения в доктрине по следующим причинам. Во-первых, концепция универсальной юрисдикции представляет собой уникальное основание для установления государством своей юрисдикции, связанное со стремлением международного сообщества содействовать наказанию за преступления, которые затрагивают все человечество; условия ее применения, как правило, подразумевают нарушение норм *jus cogens* (например, нарушение запрета на совершение геноцида или пыток) [\[28, с.221-222\]](#). Во-вторых, установление универсальной юрисдикции в качестве общего правила, приводило бы к ситуации, в которой суды любого государства были бы правомочны рассматривать споры, возникшие в Интернете в отсутствие какой-либо юрисдикционной связи между таким государством и соответствующим действием в Интернете [\[2\]](#).

Универсальная юрисдикция, ограниченная перечнем опасных для всего человечества преступлений, явно не предназначена для распространения на многочисленные и разнообразные, в том числе гражданские, правоотношения, которые возникают в Интернете, и будут возникать в метавселенной. В этой связи женевский центр по урегулированию международных споров справедливо отмечает, что использование универсальной юрисдикции в метавселенной скорее «запутает» общественные отношения, ввиду возможности возбуждения судебных процессов в любом государстве [\[2\]](#).

По мере развития метавселенной мы не исключаем возможность применения универсальной юрисдикции в будущем, в отношении действий, совершенных в метавселенной. Однако на данный момент с учетом текущего состояния международного права в части круга ситуаций, в отношении которых государства могут осуществлять универсальную юрисдикцию, представляется, что основания ее применения к отношениям в метавселенной либо будут отсутствовать либо будут крайне редки.

Охранительный принцип юрисдикции

Охранительный (защитный) принцип юрисдикции означает расширение законодательной, исполнительной или судебной юрисдикции государства на преступления, совершенные вне пределов его территории, в случае, если такие преступления угрожают существенным интересам государства [\[12, п.311\]](#). В литературе, посвященной юрисдикции в виртуальном пространстве, охранительный принцип обычно не рассматривается: авторы, как правило, ограничиваются вопросами территориальной юрисдикции и персональных данных [\[5, п.33-34\]](#). Однако еще в материалах, подготовленных Секретариатом Комиссии международного права ООН, указывалось, что охранительный принцип «может иметь особое значение для новых видов киберпреступности и террористических акций» [\[28, с.277\]](#), поэтому его рассмотрение видится уместным и в контексте метавселенной.

На наш взгляд, охранительный принцип юрисдикции может подлежать применению в метавселенной, поскольку посягательство на существенные интересы государства в таком пространстве может быть осуществлено множеством способов. В своем исследовании М. Гаррод на основе анализа законодательства 160 государств представляет перечень преступлений, в отношении которых предусмотрена охранительная юрисдикция [\[8, п.269-270\]](#). В частности, он выделяет 62 категории таких преступлений, среди которых выделяются преступления против национальной безопасности, преступления терроризма, преступления, связанные с оборотом наркотиков, и другие. Многие из приведенных в данном перечне преступлений могут совершаться и в метавселенной.

В ряде государств охранительный принцип юрисдикции установлен в отношении действий, связанных с оскорблением (уничтожением) государственного флага или иных государственных символов [\[8, п. 270\]](#). Можно представить ситуацию, в которой один из пользователей каким-либо образом оскверняет флаг или герб соответствующего государства в метавселенной. На наш взгляд, применение охранительного принципа юрисдикции в данном случае возможно поскольку, во-первых, существуют нормы материального права о запрете совершения определенных действий (безотносительно места совершения); во-вторых, государства заинтересованы в пресечении действий, связанных с осквернением своих сакральных символов; в-третьих, реалистичность метавселенной будет приводить к ситуации, когда общественная опасность преступлений в метавселенной может быть сопоставима с общественной опасностью преступлений в реальном мире. В качестве примера можно привести случай, когда Министерство иностранных дел Российской Федерации выразило Финляндии демарш в связи с тем, что власти Финляндии не предприняли никаких действий во время сожжения Государственного флага Российской Федерации.

Кроме того, охранительный принцип юрисдикции в нескольких правопорядках установлен за преступления, связанные с трансляцией или публикацией пропаганды в целях создания угрозы общественной безопасности [\[8, п. 274\]](#). Такое нарушение может

быть совершено и в метавселенной. Например, какая-либо организация или пользователь сможет осуществлять несанкционированное вещание, направленное на государство. Можно провести аналогию со случаем, когда судно «*Goddess of Democracy*», находящееся в открытом море, планировало радиопередачи с выражениями поддержки лицам, арестованным во время демонстраций в Пекине, т.е. осуществлять несанкционированное вещание на территорию Китая. Китай заявил, что арестует судно, если такие радиопередачи будут осуществлены. В результате, вещание не было осуществлено [\[35, с.910\]](#). Нам видится, что государства в случае аналогичного «несанкционированного вещания» в метавселенной будут иметь возможность воздействовать на нарушителя, если будет счтено, что такое вещание представляет угрозу общественной безопасности.

Вывод о возможности установления государством своей юрисдикции в метавселенной посредством охранительного принципа справедлив и для ряда других преступлений, в особенности преступлений террористической направленности – вербовки террористическими организациями, финансирования терроризма. Все это свидетельствует о том, что возможно установление юрисдикции государства на основе охранительного принципа в случае совершения преступлений в метавселенной, которые затрагивают его существенные интересы.

Далее рассмотрим вопрос о том, каким образом может повлиять перенос частей (или в целом) государства в метавселенную на возможность осуществления юрисдикции.

Метавселенная как территория для целей установления юрисдикции

В литературе отмечается, что в целом, обычное международное право не устанавливает запрета на проявление экстерриториальной законодательной юрисдикции [\[5, п.20\]](#). Это может быть проиллюстрировано, например, закрепленными в международном праве режимами т.н. «общих территорий»: например, Конвенцией ООН по морскому праву (в контексте открытого моря), Договором о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (в отношении космического пространства). В этом смысле в общие пространства государство проникает (распространяет свою территориальную юрисдикцию) посредством определенных объектов (космических объектов или морских судов), что отлично иллюстрируется особым режимом последних: Конвенция ООН по морскому праву признает открытое море свободным от государств пространством (ст. 87, 89), но в то же время военные суда или суда под флагом определенного государства в открытом море выступают фактически продолжением его территории (ст. 91-96).

Именно в этой связи в науке международного права многими авторами морские суда и космические объекты, равно и территории посольств рассматривались как «территория государства [\[27, С.173\]](#). Между государством и соответствующим объектом (космическим объектом или морским судном) возникает юрисдикционная связь, которая определяет пространственный предел власти в общем пространстве. Другой иллюстрацией экстерриториальности может выступать, например, решение Постоянной палаты международного правосудия (далее – ППМП) по делу *Lotus* (1927 г.), когда в открытом море столкнулись французский и турецкий пароходы [\[11\]](#). Ключевой вопрос дела состоял в том, может ли Турция возбудить уголовное дело против французского лейтенанта за его действия на французском судне, основываясь на последствиях этих действий для турецкого судна и экипажа (турецкое судно затонуло, погибло 8 турецких граждан). В результате ППМП пришла к выводу, что возбудив уголовное дело в отношении

французского лейтенанта Турция не нарушила международное право. Отдельно ППМП указала, в частности, что «следствием принципа свободы морей является то, что судно в открытом море приравнивается к территории государства, под флагом которого оно плавает, поскольку, как и на своей собственной территории, это государство осуществляет на нем свою власть» (п. 65 решения ППМП).

Предложенный нами подход, предполагающий рассмотрение метавселенной как пространства может способствовать решению юрисдикционный проблемы в ситуации, когда речь идет о наличии виртуального присутствия государства в метавселенной. Признавая «виртуальные двойники» государств в метавселенной как продолжения их территории по аналогии с делом «*Lotus*», мы можем говорить о наличии основания для применения территориальной юрисдикции в тех же категориях, в которых она устанавливается в открытом море и космическом пространстве.

Предположим, что в рамках метавселенной иностранной компанией будет создана городская метавселенная РФ по аналогии с метавселенной Сеула [\[22\]](#). В случае нарушения нормы законодательства РФ, которая не предполагает возможности установления охранительной юрисдикции в рамках метавселенной, будет ли РФ потенциально обладать юрисдикцией в отношении таких действий?

На наш взгляд, создание такого «виртуального присутствия» позволяет говорить о возможности установления над ним территориальной юрисдикции. В отличие от охранительного принципа юрисдикции, рассмотрение таких «виртуальных двойников» в качестве продолжения государственной территории предполагает осуществление юрисдикции не только в случае угрозы существенным интересам государства, но и в контексте осуществления государством публичных функций в метавселенной.

Так, индийский исследователь А. Гупта, который задается следующим вопросом: может ли и в какой степени применяться Венская конвенция о дипломатических сношениях (далее – ВКДС) и Венская конвенция о консульских сношениях (далее – ВККС) к открываемым посольствам и консульствам в рамках метавселенной? В результате своего исследования автор приходит к выводу о том, что «дипломатические представительства в метавселенной таких стран как Барбадос, в настоящее время не охвачены ни ВКДС, ни ВККС и, как следствие, не пользуются защитой. В своей статье он, в том числе, рассматривает вариант, связанный с фактическим распространением на посольства и консульства в метавселенной территориальной юрисдикции аккредитующего государства [\[9, р.15\]](#). Согласимся с мыслью автора о возможности распространения территориальной юрисдикции на посольства и консульства в метавселенной, поскольку как ВКДС (ст. 3), так и ВККС (ст. 4) содержат упоминание «аккредитующего государства» и нам представляется логичным, что государство, открывшее такое «мета-посольство», должно обладать юрисдикцией над такими посольствами и консульствами, выполняющими публичные функции государства, а следовательно, они будут обладать юрисдикционным иммунитетом от юрисдикции государства пребывания.

Другой интересный случай связан с государством Тувалу, которое является одним из так называемых «исчезающих» островных государств: из-за изменения климата оно постепенно уходит под воду. Министр иностранных дел Тувалу для привлечения внимания к настоящей проблеме заявил о плане создания цифровой копии Тувалу в метавселенной [\[4\]](#). Если ценность дальнейшего признания Тувалу как государства заключается не столько в его земле/территории как таковой, сколько в сохранении презентации нации в международных институтах и мировом сообществе, то

рассмотрение виртуальной копии Тувалу в метавселенной как «имеющей территорию», хотя и виртуальную, может иметь смысл.

В этих примерах мы хотели показать, что коль скоро государства могут использовать метавселенную как место действия *imperium*, то логичным является предположение, что и их юрисдикция в этом пространстве прямо следует за таковым проявлением. На наш взгляд, распространение юрисдикции государств в метавселенной на их «виртуальное присутствие» является разумным, поскольку государства в любом случае являются заинтересованными в регулировании деятельности, которая происходит на их территории, пусть и виртуальной. Хакерские атаки на такую «виртуальную территорию» приводящие к нарушению деятельности государственных органов, визуальное искажение такой «виртуальной территории» в целях дискредитации, или отказ от удаления каких-либо запрещенных материалов в ее рамках (например, нацистской символики) – все это относится, так или иначе, к личности государства, создавая с таковым юрисдикционную связь.

Заключение

По результатам исследования мы приходим к выводу, что теоретическое рассмотрение метавселенной как пространства, т.е. места существования *imperium*, позволяет нам говорить о возможности установления в ней различных видов юрисдикции. Территориальная юрисдикция государства в метавселенной, в зависимости от возникающих правоотношений, может быть установлена несколькими способами. Во-первых, территориальная юрисдикция государства в метавселенной может быть установлена посредством территориальной привязки к персональным данным, которые касаются его граждан. Во-вторых, в качестве территориальной привязки может выступать направленность информации в метавселенной на территорию государства. В-третьих, государства могут установить территориальную юрисдикцию посредством «приземления» организаций, контролирующих метавселенную на своей территории. В-четвертых, территориальной привязкой для установления территориальной юрисдикции может выступать эффект (последствия) на физической территории государства, который возник в результате действий, совершенных в метавселенной. Универсальный принцип потенциально может быть применим к действиям, совершенным в метавселенной, при условии, что развитие последней сделает возможным нарушение в ее рамках норм *jus cogens*. Также был сделан вывод о возможности установления юрисдикции в отношении действий в метавселенной на основе охранительного принципа, поскольку метавселенная может предоставить возможности для совершения действий, которые могут затрагивать существенные интересы государств. «Виртуальное присутствие» государств, по аналогии с национальными космическими объектами, с морскими или воздушными судами под флагом определенного государства являются продолжением государственной территории для целей установления юрисдикции.

Библиография

1. Berman P. S., Legal Jurisdiction and Virtual Social Life, 27 Cath. U. J. L. & Tech 103 (2019), pp. 103-125.
2. Blount P.J. Reprogramming the World: Cyberspace and the Geography of Global Order [Электронный ресурс] // Rutgers University. URL:<https://rucore.libraries.rutgers.edu/rutgers-lib/50509/PDF/1/play/> (дата обращения: 24.08.2024).
3. Brett A. The space of politics and the space of war in Hugo Grotius's *De iure belli ac pacis*, Global Intellectual History. 2016. P. 33-60.

4. Climate change gets real in the metaverse [Электронный ресурс] // Accenture. URL: <https://www.accenture.com/ch-en/case-studies/technology/tuvalu> (date of access: 14 October 2023).
5. Dimita, Gaetano and Lee, Yin Harn and MacDonald, Michaela and Catton, Anthony and Kavcar Penbegullu, Zeynep Kubra and Pulido Lock, Juan Alberto, IP and Metaverse(S)-an Externally Commissioned Research Report (February 1, 2023). Published by the Intellectual Property Office, February 2024, Queen Mary Law Research Paper No. 427/2024. pp. 1-64.
6. Fitzmaurice A. Sovereignty, property and empire, 1500–2000. In: *Sovereignty, Property and Empire, 1500–2000*. Ideas in Context. Cambridge University Press. 2014. P. 378.
7. Friedmann D. Digital Single Market, First Stop to The Metaverse: Counterlife of Copyright Protection Wanted. In: Law and economics of the digital transformation, Klaus Mathis and Avishalom Tor, eds. (Springer, 2022 Forthcoming), Peking University School of Transnational Law Research Paper. pp. 1-40.
8. Garrod M. Rethinking the Protective Principle of Jurisdiction and Its Use in Response to International Terrorism. University of Sussex, 2015. P. 300.
9. Gupta A. Metaverse: Challenges and Opportunities for Diplomacy and International Relations, 55 J. Int'l L. & Pol. New York. Online F., Fall 2022, at 1. 1-15.
10. ITU Focus Group Technical Specification (FG-MV-28) «Requirements for the metaverse based on digital twins enabling integration of virtual and physical worlds» of March 2024 [Электронный ресурс] // ITU. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-T/focusgroups/mv/Documents/List%20of%20FG-MV%20deliverables/FGMV-28.pdf> (date of access: 14 October 2023).
11. Judgement of PCIJ on the case of the SS «Lotus» (France v Turkey) (7 September 1927) // PCIJ Reports, Series A, No 10.
12. Khozeimeh, M. and Shayganfard, M. (2017) Infringements Liable to Protective Jurisdiction (Case Study: Islamic Republic of Iran, France and Egypt's Laws). *Beijing Law Review*, 8, pp. 311-320.
13. Korhonen, O., Bruncevic, M., & Arvidsson, M. Subjecthood in Cyberspace and the Uncanny Valley of International Law. *Nordic Journal of International Law*, 92, 2023, pp. 138-169.
14. Koskenniemi M., To the Uttermost Parts of the Earth: Legal Imagination and International Power, 1300–1870, Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 1124.
15. Miller, S. F. Prescriptive Jurisdiction over Internet Activity: The Need to Define and Establish the Boundaries of Cyberliberty. *Indiana Journal of Global Legal Studies*: Vol. 10: Iss. 2, Article 8. (2003), pp. 227-254.
16. Norton J. J., The European Court of Justice judgment in United Brands: extraterritorial jurisdiction and abuse of dominant position, *Denver Journal of International Law and Policy*, vol. 8 (1979), pp. 379-414.
17. Orakhelashvili A., Research Handbook on Jurisdiction and Immunities in International Law. Edward Elgar Publishing, Birmingham, UK. 2015. P.51; Ryngaert C. Extraterritorial Enforcement Jurisdiction in Cyberspace: Normative Shifts. *German Law Journal*. 2023. № 24. P. 560.
18. Rezadoost V., Choudhary P. Applicable Law, Choice of Courts and Enforcement Issues in Metaverse Disputes [Электронный ресурс] // Wolters Kluwer. URL: <https://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2023/09/27/arbitration-tech-toolbox-applicable-law-choice-of-courts-and-enforcement-issues-in-metaverse-disputes/> (дата обращения: 15 февраля 2023 года).
19. Ryngaert C, Taylor M. The GDPR as Global Data Protection Regulation? *AJIL Unbound*. CUP. 2020. pp. 5-9.
20. Ryngaert C., Jurisdiction in International Law, 2nd Edition, Oxford Monographs in

- International Law (2015), OUP, Oxford, UK. P. 262.
21. Ryngaert C., National Jurisdiction and International Law. Courses of the Summer School on Public International Law. Vol. XII [Электронный ресурс] // The International and Comparative Law Research Center. URL: https://iclr.ru/storage/publication_pdf/32/%D0%A6%D0%9C%D0%A1%D0%9F%D0%98_%D0%A2%D0%BE%D0%BC_XII_18.01.2022_1689326947.pdf, pp. 59-60.
22. Seoul, First Local Gov't to Start New-Concept Public Service with "Metaverse Platform" [Электронный ресурс] // Seoul Government. URL: <http://english.seoul.go.kr/seoul-first-local-govt-to-start-new-concept-public-service-with-metaverse-platform/> (дата обращения: 15.11.2022).
23. Shaw M.N. International Law. Cambridge University Press. 2008. P. 1542.
24. The metaverse: a vector of sovereignty for the State? [Электронный ресурс] // Human Technology. URL: <https://www.human-technology-foundation.org/news/the-metaverse-a-vector-of-sovereignty-for-the-state> (date of access: 05.10.2024)
25. Yilmaz E., Kübra H. Legal issues of the metaverse: a public international law perspective. // Law and Justice Review. January 2024, Issue: 27, pp. 49-76.
26. Абашидзе А.Х., Травников А.И. Старые, но современные проблемы международного воздушного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 181-202.
27. Бобылев Г.В. К теоретическому обоснованию дипломатических иммунитетов и привилегий / Г.В. Бобылев, А.А. Нагиева // Соотношение норм международного права и норм национального законодательства: актуальные проблемы международного права: Межвузовский сборник научных трудов. – Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2012. – Выпуск 4(8). С. 172-177.
28. Доклад Комиссии Международного права на пятьдесят восьмой сессии (1 мая-9 июня и 3 июля-11 августа 2006 года) № A/61/10. [Электронный ресурс] // ООН. URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/russian/ilc_2006_v2_p2.pdf
29. Доклад Комиссии международного права на семидесятой сессии (30 апреля – 1 июня и 2 июля – 10 августа 2018 года), № A/73/10. [Электронный ресурс] // ООН. URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2018/> (дата обращения: 28.09.2024)
30. Лексин И.В. Территория как публично-правовая категория: понятие и логическая связь с государством // Академический юридический журнал, 2023, том 24, № 4. С. 457-470.
31. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: учебник / И.Лукашук. М.: Волтерс Клювер. 2005. 432 с.
32. Незабитовский В.А. Учение публицистов о межгосударственном владении. Киев. 1860.
33. Севергин, А.Д. Правовая природа метавселенной. Цифровое право, 2023, 4(4), С. 36-53.
34. Терентьева Л.В. Территориальный аспект юрисдикции и суверенитета государства в киберпространстве // Lex Russica. 2019. №4 (149). С. 139-150.
35. Толстых В.Л. Курс международного права: учебник / В. Л. Толстых. – Москва: Проспект, 2013. 1016 с.
36. Топос и номос: пространства правопорядков / И. А. Исаев. – М.: Норма, 2007. 416 с.
37. Усольцева Н. А. «Приземление» иностранных IT-компаний в Российской Федерации: отдельные правовые вопросы // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11. № 1. С. 98-104.
38. Филиппов А.Ф. Теоретические основания социологии пространства: автореф. дисс. докт. соц. наук. – М., 2003 г., 40 с.
39. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году / М. Фуко; Пер. с фр. В. Ю. Быстрова, Н. В. Суслова,

- А. В. Шестакова. – СПб.: Наука, 2011. 274 с.
40. Хахина А.А. Территория как элемент международной правосубъектности государства в контексте проблемы «Исчезающих» государств // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. № 6. С. 64-77.
41. Чурилина Н.А. Международно-правовые основания юрисдикционного иммунитета государств: автореф... дис. канд.юр. наук. – М., 2018 г., 31 с.
42. Шитт К. Номос земли в праве народов *jus publicum europeum* [Текст] / Карл Шмитт; под ред. Д. Кузницына; пер. с нем. К. Лощевского и Ю. Коринца. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2008. 672 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, юрисдикция государств в метавселенной. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Под юрисдикцией в международном праве обычно понимается правомочие государства регулировать или иным образом воздействовать на людей, собственность, обстоятельства [23, Р. 645.]. В основе ее лежит государственный суверенитет [41, с.19]. Тот факт, что в метавселенной государства будут устанавливать свою юрисдикцию, не оспаривается, а напротив, все чаще поднимается в научной литературе [5, Р. 32]. Поэтому нам хотелось бы рассмотреть возможности установления государством своей юрисдикции в метавселенной" и др. Дополнительно ученым необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Трудно согласиться с Л.В. Терентьевой в том, что «киберпространство как сфера реализации общественных отношений не может быть вне суверенитета и юрисдикции государства», поскольку с ее слов следует, что общественные отношения не могут существовать вне государственного суверенитета. Однако истории известны случаи, когда определенное пространство, в рамках которого существовали общественные отношения, не находилось под суверенитетом государства. Такие пространства в международном праве обозначались как *terra nullius*, т.е. буквально «ничейная земля». Сам факт их существования подтверждает, что наличие в пространстве общественных отношений само по себе не может свидетельствовать о наличии в пространстве «присутствия государства». Представляется, что включение виртуального пространства в территорию государства возможно не потому, что оно выступает «сферой реализации общественных отношений», а по иным причинам, которые кроются в самой природе власти. Не случайно ее природа, раскрываемая через разные подходы и в разных культурных парадигмах, связывается с пространством"; "Подход, связанный с физической локализацией персональных данных применим к метавселенной лишь в ограниченной степени. Это связано с несколькими проблемами. Первая заключается в том, данный подход включает в себя распространение юрисдикции исключительно на персональные данные (исключая иные данные, которые смогут существовать в метавселенной). Вторая проблема состоит в том, что работа метавселенной на блокчейне предполагает, что ноды, которые, по сути, способны выступать хранилищем персональных данных, могут находиться на территориях

других государств и усложнять, или вовсе исключать тем самым возможность воздействия на такие данные. Заметим также, что подход принятый в рамках GDPR нивелирует вторую проблему, поскольку связывает юрисдикцию не с местом нахождения инфраструктуры, а с самими персональными данными. Иными словами, вне зависимости от того, где такие данные обрабатываются, в случае, если они касаются граждан Союза, ЕС будет обладать над ними юрисдикцией"; "По мере развития метавселенной мы не исключаем возможность применения универсальной юрисдикции в будущем, в отношении действий, совершенных в метавселенной. Однако на данный момент с учетом текущего состояния международного права в части круга ситуаций, в отношении которых государства могут осуществлять универсальную юрисдикцию, представляется, что основания ее применения к отношениям в метавселенной либо будут отсутствовать либо будут крайне редки"; "На наш взгляд, применение охранительного принципа юрисдикции в данном случае возможно поскольку, во-первых, существуют нормы материального права о запрете совершения определенных действий (безотносительно места совершения); во-вторых, государства заинтересованы в пресечении действий, связанных с осквернением своих сакральных символов; в-третьих, реалистичность метавселенной будет приводить к ситуации, когда общественная опасность преступлений в метавселенной может быть сопоставима с общественной опасностью преступлений в реальном мире. В качестве примера можно привести случай, когда Министерство иностранных дел Российской Федерации выразило Финляндии демарш в связи с тем, что власти Финляндии не предприняли никаких действий во время сожжения Государственного флага Российской Федерации"; "Вывод о возможности установления государством своей юрисдикции в метавселенной посредством охранительного принципа справедлив и для ряда других преступлений, в особенности преступлений террористической направленности – вербовки террористическими организациями, финансирования терроризма. Все это свидетельствует о том, что возможно установление юрисдикции государства на основе охранительного принципа в случае совершения преступлений в метавселенной, которые затрагивают его существенные интересы" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. Основная часть работы состоит из следующих разделов: "Территориальная юрисдикция"; "Экстерриториальная юрисдикция"; "Метавселенная как территория для целей установления юрисдикции". В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Так государства обеспечивают территориальную юрисдикцию посредством: локализации данных, запрет (ограничение) доступа к определенной информации, локализация деятельности операторов на территории соответствующего государства (так называемое «приземление») [37, с. 98-104]" - "Так, государства обеспечивают территориальную юрисдикцию посредством: локализации данных, запрета (ограничения) доступа к определенной информации, локализации деятельности операторов на территории соответствующего государства (так называемое «приземление») [37, с. 98-104]" (пропущена запятая, см. на окончания существительных).

Ученый отмечает: "С другой стороны, нельзя не учитывать действительно справедливую ее критику: как отмечал Д.Нортон ««доктрина эффекта» территориальной юрисдикции, [какой бы смысл в нее ни вкладывался и какими бы критериями] ни руководствовались,

является предметом значительных разногласий» [16, р.385]" - "С другой стороны, нельзя не учитывать действительно справедливую ее критику: как отмечал Д.Нортон, «доктрина эффекта» территориальной юрисдикции, [какой бы смысл в нее ни вкладывался и какими бы критериями] ни руководствовались, является предметом значительных разногласий» [16, р.385]" (см. на запятую).

Автор указывает: "По нашему мнению, все же не весь спектр правоотношений, который может возникнуть в метавселенной охватывается территориальной юрисдикцией" - "По нашему мнению, все же не весь спектр правоотношений, который может возникнуть в метавселенной, охватывается территориальной юрисдикцией" (пропущена запятая).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки и пунктуационные ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим").

Библиография исследования представлена 42 источниками (монографиями, диссертационными работами, научными статьями, аналитическими материалами, учебником), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной. Работа выполнена на высоком академическом уровне.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (В. Л. Толстых, И. И. Лукашук, Л.В. Терентьева и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы аргументированы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("По результатам исследования мы приходим к выводу, что теоретическое рассмотрение метавселенной как пространства, т.е. места существования *imperium*, позволяет нам говорить о возможности установления в ней различных видов юрисдикции. Территориальная юрисдикция государства в метавселенной, в зависимости от возникающих правоотношений, может быть установлена несколькими способами. Во-первых, территориальная юрисдикция государства в метавселенной может быть установлена посредством территориальной привязки к персональным данным, которые касаются его граждан. Во-вторых, в качестве территориальной привязки может выступать направленность информации в метавселенной на территорию государства. В-третьих, государства могут установить территориальную юрисдикцию посредством «приземления» организаций, контролирующих метавселенную на своей территории. В-четвертых, территориальной привязкой для установления территориальной юрисдикции может выступать эффект (последствия) на физической территории государства, который возник в результате действий, совершенных в метавселенной. Универсальный принцип потенциально может быть применим к действиям, совершенным в метавселенной, при условии, что развитие последней сделает возможным нарушение в ее рамках норм *jus cogens*. Также был сделан вывод о возможности установления юрисдикции в отношении действий в метавселенной на основе охранительного принципа, поскольку метавселенная может предоставить возможности для совершения действий, которые могут затрагивать существенные интересы государств. «Виртуальные двойники» государств, по аналогии с национальными космическими объектами, с морскими или воздушными судами под флагом определенного государства являются продолжением государственной территории для целей установления юрисдикции"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере международного права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования,

дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), устранении нарушений в оформлении работы.